

« Положительно-прекрасный человѣкъ » у Достоевскаго.

Послѣ долгаго періода метафизическаго отчаянія, въ центръ котораго стоятъ «Записки изъ подполья», жизнь Достоевскаго рѣзко переламывается отъѣздомъ-бѣгствомъ за границу. Онъ покидаетъ Россію, «спасая не только здоровье, но даже жизнь». «Разсудокъ дѣйствительно разстраивался, пишетъ онъ Майкову. Это истина. Я это чувствовалъ; а разстройство нервовъ доводило меня до бѣшеныхъ минутъ».

Въ Дрезденѣ онъ переживаетъ духовное воскресеніе, слезы умиленія и восторга передъ картинами Дрезденской галлеи, весну, счастье съ молодой женой Анной Григорьевной.

Четырехлѣтнее пребываніе Достоевскаго за границей — время огромнаго духовнаго и творческаго подъема: онъ много и напряженно читалъ, написалъ два большихъ романа «Идіотъ» и «Бѣсы», задумалъ серію романовъ подъ общимъ заглавіемъ «Житіе великаго грѣшника», нѣсколько повѣстей и статей. Въ своемъ «изгнаніи» онъ подводилъ какіе-то итоги, жадно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Россіи, мучительно думалъ о судьбѣ родины, о Востоцкѣ и Западѣ, о социализмѣ и христіанствѣ, о православіи и католичествѣ. За эти четыре года (1867-1871) окончательно сложилось его религіозное и философское міровоззрѣніе. Онъ писалъ Майкову, что вопросъ, который мучилъ его всю жизнь, теперь разрѣшенъ. Можно предполагать, что заграницей Достоевскій пережилъ то мистическое озареніе, которое стало источникомъ всего его дальнѣйшаго творчества. Отталкиваясь отъ «атеистической» Европы, онъ осознаетъ себя христіаниномъ и русскимъ. Эти два понятія для него нерасторжимо связаны: онъ убѣжденъ, что только потому и достигъ «самосознанія въ себѣ русскаго человѣка», что почувствовалъ себя христіаниномъ, ибо вся Россія — въ православіи, въ немъ ея душа, оправданіе ея бытія и великое обѣтованіе будущаго. Всѣ идеи, которыя впослѣдствіи будутъ развиты въ «Дневникъ Писателя» — выношены Достоевскимъ во время «изгнанія».

«Всему міру готовится великое обновленіе черезъ русскую мысль, которая плотно спаяна съ православіемъ, — пишетъ онъ Майкову, — и это совершится въ какое-нибудь столѣтіе: вотъ моя страстная вѣра». Идеаль народа — Христосъ. Его подлинный образъ и должна явить міру русская мысль. Теперь, въ свѣтъ новаго мистическаго откровенія, ему становится ясна его творческая задача: помочь великому обновленію міра, ускорить явленіе Христова лика черезъ сознаніе русскаго народа, черезъ подвигъ русской мысли, намѣтить хотя бы смутными чертами идеаль человѣчества».

Съ вдохновеніемъ приступаетъ онъ къ писанію «христіанскаго романа», въ которомъ должно быть явлено это «высокое представленіе человѣка». Дѣло идетъ, конечно, не о воспроизведеніи историческаго лица Христа, даннаго въ Евангелии; Достоевскій задумываетъ романъ изъ современной русской жизни, въ центрѣ котораго стоялъ бы «вполнѣ прекрасный человѣкъ», то-есть человѣкъ, въ чистой душѣ котораго отражень Христовъ ликъ.

Исключительное значеніе имѣетъ письмо Достоевскаго къ С. А. Ивановой отъ 1-го января 1868 года:

«Главная мысль романа («Идіотъ») — изобразить по л о ж и т е л ь н о - п р е к р а с н а г о ч е л о в ѣ к а. Труднѣ этого нѣтъ ничего на свѣтѣ и особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только брался за изображеніе положительно-прекраснаго — всегда пассивали. Потому что эта задача безмѣрная. Прекрасное есть идеаль, а идеаль ни нашъ, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свѣтѣ есть одно только положительно прекрасное лицо — Христосъ, такъ что явленіе этого безмѣрно, безконечно прекраснаго лица ужъ конечно есть безконечное чудо... Изъ прекрасныхъ лицъ въ литературѣ христіанской стоитъ всего законченнѣе Донъ-Кихоть; но онъ прекрасенъ единственно потому, что въ то же время и смѣшонъ. Пиквикъ Диккенса... тоже смѣшонъ и тѣмъ только и беретъ. Является состраданіе къ осмѣянному и незнающему себѣ цѣны прекрасному, а стало быть является симпатія и въ читателѣ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора... У меня нѣтъ ничего подобнаго, ничего рѣшительно и потому боюсь страшно, что будетъ положительная неудача»...

Въ «Записныхъ тетрадяхъ» Достоевскаго сохранилось громадное количество набросковъ и замѣтокъ къ роману *). Лицо «положительно-прекраснаго человѣка», которое должно было стать

*) Госиздат. Москва. 1931.

въ центрѣ романа, было мучительно неясно автору. Онъ пробовалъ всё возможные приемы, и ни одинъ не удовлетворялъ его. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что всё видоизмѣненія характеристики въ конечномъ итогѣ сводятся къ двумъ основнымъ концепціямъ «прекраснаго человѣка». Назовемъ ихъ условно концепціей динамической и концепціей статической. Согласно первой, образъ Божій человѣку не данъ, а зачтъ; путемъ страшныхъ испытаній, страданій и борьбы, быть можетъ даже путемъ грѣха и преступленія — сильная личность возвышается до раскрытія въ себѣ образа Божія, утверждаетъ себя въ Богѣ и достигаетъ святости. Согласно второй — статической концепціи — личность уже рождается «прекрасной»; образъ Божій свѣтится въ ней отъ начала, какъ «*gratia gratis data*». Безблагодатному сильному и гордому человѣку, въ потѣ лица за раба тѣ в а ю щ е м у святость, противопоставляется благодатный образъ прирожденнаго праведника.

Достоевскій съ мученіемъ, доходящимъ до отчаянія, работаетъ надъ динамической концепціей: «прекрасный человѣкъ» въ постепенномъ его становленіи. Семь главъ романа изъ восьми посвящены ей.

Идиотъ — гордая личность; онъ какъ-бы связующее звено между Раскольниковымъ и Ставрогинимъ. «Страсти у идиота сильны, потребность любви жгучая, гордость непомерная... Онъ бы могъ дойти до чудовищности, но любовь спасаетъ его. Онъ проникается глубочайшимъ состраданіемъ и прощаетъ ошибки. Взвѣтъ получаетъ высокое нравственное чувство въ развитіи и дѣлаетъ подвигъ» (Планъ I).

«Гордость. Униженіе. Изъ гордости не оправдывается. Дѣлаетъ подлости со зла и думаетъ, что такъ и надо. Въ гордости ищетъ выхода и спасенія. Кончается б о ж е с т в е н н ы м ъ п о с т у п к о м ъ» (Планъ II).

Въ планѣ четвертомъ подчеркнута злодѣйство Идиота. Будучи побочнымъ сыномъ «дяди», онъ отбиваетъ невѣсту у законнаго сына. Духовное воскресеніе Идиота происходитъ подъ влияніемъ любви къ «героинѣ» и кроткаго всепрощенія «сына». Изъ Яго идиотъ превращается въ праведника.

Въ пятomъ планѣ Достоевскій пытается связать своего героя съ Россіей, съ современнымъ поколѣніемъ. Идиотъ — молодой, формирующійся человѣкъ «Главная мысль романа: столько силъ, столько страсти въ современномъ поколѣніи и ни во что не вѣруютъ. Безпредѣльный идеализмъ съ безпредѣльнымъ сенсуализмомъ... Жажда красоты и идеала и въ то же

время невѣріе въ него или вѣра, но нѣтъ любви къ нему. И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ».

Но какъ возможно обновленіе сильнаго и гордаго человѣка? Достоевскій набрасываетъ схему возрожденія черезъ любовь къ женщинѣ: «Сначала: 1) Мщеніе и самолюбіе. (Мщеніе ни за что, самъ признаетъ это и это — черта). Потомъ: 2) Бѣшеная и безжалостная страсть. 3) Высшая любовь и обновленіе. Но переходъ отъ страсти къ христіанской любви представляется автору необычайно труднымъ и онъ сомнѣвается въ правильности выбраннаго имъ пути. 1-го ноября 1867 г. онъ приписываетъ: «Нехорошо. Главной мысли не выходитъ объ Идіотѣ».

Достоевскій какъ будто отчаявается въ возможности «спасенія» сильной личности. Въ слѣдующемъ, шестомъ планѣ разрабатывается тема неизбежной гибели гордаго человѣка. Христіанская мистерія спасенія смѣняется трагедіей судьбы. Этотъ планъ, и по фабулѣ и по характеристикѣ главнаго героя, приводитъ насъ вплотную къ замыслу «Бѣсовъ». «Главная и основная мысль романа, для которой все: онъ (Идіотъ) до такой степени болѣзненно гордъ, что не можетъ не считать себя богомъ, и до того, вмѣстѣ съ тѣмъ, себя не уважаетъ, что не можетъ безконечно и до неправды усиленно не презирать себя». «Въ развитіи и въ окружающей средѣ онъ почерпнулъ всѣ эти яды и начала, которые въ кровь вошли. Великодушіе и требованіе любви у кругомъ оскорбленнаго сердца безмѣрныя. Ихъ онъ не имѣлъ и потому онъ тѣмъ, которыхъ бы онъ хотѣлъ безконечно любить и за нихъ кровь отдать, всѣмъ дорогимъ ему, мститъ и злодѣйствуетъ... Вмѣсто полезной дѣятельности — адъ». «Христіанинъ, и въ то же время не вѣритъ. Двойственность глубокой природы».

Достоевскій хотѣлъ показать, какимъ путемъ сильная личность приходитъ къ Богу, но чѣмъ глубже проникалъ онъ въ тайну человѣческой «самости», тѣмъ сомнительнѣе и туманнѣе видѣлось ему это восхожденіе *ad astra*. Проблема спасенія постепенно вытѣснялась проблемой величія. Почему великая личность, по настоящему благородная, героическая, впадаетъ въ зло? Можетъ ли она преодолѣть роковую двойственность, заложенную въ самой ея природѣ? Можетъ ли справедливое сознаніе своего величія не перейти въ бѣсовскую гордость, непомирная, неудовлетворенная жажда любви не обратиться въ ненависть, а мечта о подвигѣ не стать соблазномъ преступленія? Можетъ ли личность, дошедшая въ своемъ развитіи до сознанія своей божественности, не возстать на Бога?

И гдѣ, въ современной русской дѣйствительности, найти достойное для нея поле дѣятельности, на которомъ она могла бы спастись подвигомъ любви? Передъ этой раскрывшейся бездной Достоевскій остановился въ ужасѣ. Всѣ семь плановъ были отброшены.

Оставалась вторая концепція: «статическая». «Положительно прекрасный человѣкъ» не становится, а уже есть. По милости Божіей онъ такимъ родился. Психологически и художественно такое задание было несравненно легче перваго. Тутъ у Достоевскаго были предшественники въ міровой литературѣ: онъ вспоминаетъ Диккенса съ его Пиквикомъ, Виктора Гюго (Жанъ Вальжанъ) и особенно гениальнаго создателя Донъ-Кихота — Сервантеса. Новый романъ будетъ написанъ, какъ своего рода русскій Донъ-Кихотъ. Печальная фигура рыцаря безъ страха и упрека склоняется надъ колыбелью князя Мышкина. «Сыны Царствія» — странники и пришельцы здѣсь на землѣ. Странники — они кажутся «странными», чуждые — «чужаками». Ихъ мудрость — безуміе, ихъ святость — соблазнъ. Достоевскій строитъ образъ своего героя по линіи «святого безумца» Донъ-Кихота. Образъ Божій въ человѣкѣ открывается ему прежде всего въ младенческой чистотѣ сердца, въ смиренной невинности. «Если не будете какъ дѣти, не войдете въ Царствіе небесное». Вотъ почему въ первомъ наброскѣ характера князя Мышкина (Планъ VIII) онъ является передъ нами, окруженный дѣтьми. «Князь — юродивый... Липо Идіота: чуждакъ, есть странности. Иногда не говоритъ ничего...онъ вдругъ иногда начнетъ читать вслѣдъ о будущемъ блаженствѣ.. Отверженный съ дѣтства сынъ, Идіотъ страсть къ дѣтямъ получилъ. Вездѣ у него дѣти. Главное — характеръ его отношеній къ дѣтямъ»...

Образъ, стоящій передъ глазами Достоевскаго: Христосъ посреди дѣтей. Въ чертахъ юродиваго мы узнаемъ уже князя Мышкина: то же смиреніе, простота, тихость, чудачество, та же молчаливость и вспышки вдохновеннаго краснорѣчія. Въ окончательной редакціи «Идіота» мотивъ дѣтей былъ ослабленъ и отодвинутъ на задній планъ. Князь Мышкинъ рассказываетъ о своей дружбѣ съ дѣтьми въ Швейцаріи, но въ самомъ дѣйствіи романа дѣти не участвуютъ. Впослѣдствіи «дѣтскій мотивъ» перешелъ въ «Братья Карамазовы» и раскрылся въ исторіи дружбы Алени Карамазова съ Ильюшей и Колей Красоткинымъ и въ братскомъ союзѣ мальчиковъ вокругъ могилы Ильюши.

Первая часть «Идіота» была уже напечатана, а Достоевскій, работая надъ второй частью, все еще неясно видѣлъ характеръ своего героя. Замѣтки и наброски ко второй части отражаютъ мучительныя сомнѣнія и тревогу автора. Дальнѣйшее развитие характера князя можетъ пойти по одному изъ слѣдующихъ четырехъ путей: 1) князь — дитя, 2) князь — сфинксъ, 3) князь — отраженіе Россіи и 4) князь — Христосъ.

Остановимся на четвертомъ планѣ.

Въ записной тетради № 10 каллиграфически выведены слова: «Смиренный Игуменъ Зосима, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Евангеліе Іоанна Богослова». Послѣ нихъ крупнымъ почеркомъ написано:

«Князь Христосъ».

Какъ конкретно осуществить эту «непомѣрную задачу»? Достоевскій записываетъ: «Чѣмъ сдѣлать лицо героя симпатичнымъ читателю? Если Донъ-Кихоть и Пиквикъ, какъ добродѣтельные лица, симпатичны читателю и удались, такъ это потому, что они смѣшны. Герой романа князь, если не смѣшонъ, то имѣетъ другую симпатичную черту — онъ невиненъ».

Но одной невинностью не исчерпывается образъ Христа въ человѣкѣ. Невинность взрослого человѣка легко можетъ выродиться въ пустую наивность и смѣшное ребячество. Невинность, какъ райское состояніе, какъ незнаніе различія между добромъ и зломъ — есть не сила, а слабость. Это первобытное пребываніе души до грѣхопаденія нельзя смѣшивать съ чистотой сердца, просвѣтленнаго въ испытаніяхъ. Достоевскій это чувствуетъ. Великій замыселъ — показать реальное дѣйствіе Христа въ мірѣ черезъ чистаго сердцемъ и смиреннаго человѣка и раскрыть въ формѣ романа «теорію практическаго христіанства», — этотъ замыселъ не былъ осуществленъ Достоевскимъ. Князь Мышкинъ остался блѣдной тѣнью... Достоевскій сознавалъ свою неудачу и былъ близокъ къ отчаянью. «Романомъ я недоволенъ до отвращенія... Теперь сдѣлаю послѣднее усиліе на третью часть. Если поправлю романъ, поправлюсь самъ, если нѣтъ, то я погибъ». О чудѣ воплощенія мечталъ онъ, работая надъ «Идіотомъ», и чудо не произошло: князь Мышкинъ не можетъ преобразить міра, такъ какъ онъ слишкомъ «не отъ міра сего»; онъ жаждетъ быть человѣкомъ, но ему суждено витать безплотнымъ духомъ надъ міромъ, возбуждать «въ дѣтяхъ праха безкрылое желаніе» и изнывать отъ своего трагическаго безсилія.

Онъ появляется впервые передъ нами въ своемъ нелѣпомъ плащѣ, штиблетахъ, съ тощимъ узелкомъ: костюмъ не по кли-

мату, «все не по русски». Авторъ подчеркиваетъ «странное выраженіе» его глазъ, полное непониманіе дѣйствительности, глубоко оторванность отъ плоти міра: онъ — асексуаленъ. Душевно-гѣлесная земная любовь ему недоступна, а вмѣстѣ съ ней всѣ человѣческія страсти, въ которыхъ человѣкъ изживаетъ свою подлинную судьбу, борясь со смертью и грѣхомъ, падая и возставая. Князь сходитъ въ грѣшный міръ изъ какого-то иного таинственнаго и туманнаго «далека», и самымъ своимъ явленіемъ обличаетъ ложь и грѣхъ нашего міра. Своей беспощадной кротостью, своимъ нечеловѣческимъ смиреніемъ, своей ангельской чистотой онъ уничтожаетъ всю реальность вемного порядка, взрываетъ всѣ «условныя» цѣнности. И люди чувствуютъ въ немъ высшую правду и тянутся къ ней, но въ то же время сознаютъ, что эта правда не для нихъ и что достичь ее они не могутъ, не развоплотившись. Поэтому они и любятъ его и ненавидятъ. Темная земля жаждетъ преображенія, а не уничтоженія: названный братъ Мышкина — Рогожинъ мѣняется крестами съ княземъ и тутъ же заноситъ на него ножъ.

Князь — «невинный», онъ — до грѣхопаденія; онъ жилъ въ раю и не можетъ понять, что двери рая закрылись передъ человѣчествомъ, что послѣ грѣхопаденія возврата въ рай нѣтъ, что путь человѣка ведетъ не назадъ къ утраченному блаженству, а впередъ, черезъ Голгофу къ Воскресенію. Онъ ходитъ среди падшихъ людей, одѣтый сіяніемъ своего рая и увѣряетъ ихъ, что стоить имъ только захоуѣть и они сразу же будутъ въ раю.

Въ ангельской своей природѣ князь и выше и ниже, чѣмъ человѣкъ; во всякомъ случаѣ онъ не воплотилъ человѣкъ, «недоволенный». Странная его любовь къ людямъ, съ холодкомъ звѣздныхъ міровъ, съ состраданіемъ, которое не спасаетъ, съ жертвенностью, которая губитъ! Въ безсильной жалости мечется онъ среди живыхъ людей, смущая и волнуя души, порождая вокругъ себя демоническіе вихри. «Теперь я къ людямъ иду... Съ людьми мнѣ будетъ, можетъ быть, скучно и тяжело». Князь выдаетъ себя: люди для него чужіе, какъ чужды ему весь міръ. Онъ простираетъ руки въ свѣтлую, безконечную синеву и плакалъ. «У всего свой путь и все знаетъ свой путь, съ пѣсней отходить и съ пѣсней приходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ни людей, ни звуковъ, все ему чужой и выкидышъ». Душа міра томится въ оковахъ слѣпой и глухой силы, могучаго злого духа. Она ждетъ спасителя, жаждетъ преображенія. Но тотъ, ко-

го принимаетъ она за спасителя, оказывается самозванцемъ: онъ не въ силахъ ее спасти — и оба они гибнутъ.

Но «любимую идею» Достоевскій не оставляетъ. Одновременно съ работой надъ «Идиотомъ» онъ задумываетъ новый романъ «Атеизмъ». «Динамическая концепція» прекраснаго человѣка снова разрабатывается, хотя и въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ. Ее можно формулировать такъ: мытарства души, отпавшей отъ Христа и въ испытаніяхъ снова обрѣтающей. 11 декабря 1868 г. Достоевскій сообщаетъ Майкову: «Здѣсь у меня на умѣ теперь огромный романъ. Название ему «Атеизмъ»... Лицо есть: русскій человѣкъ нашего общества и въ лѣтахъ, не очень образованный, но и не необразованный, не безъ чиновъ — вдругъ уже въ лѣтахъ теряетъ вѣру въ Бога... Потеря вѣры въ Бога дѣйствуетъ на него колоссально... Онъ шныряетъ по новымъ поколѣніямъ, по атеистамъ, по славянамъ и европейцамъ, по русскимъ изувѣрамъ и пустынножителямъ, по священникамъ; спускается въ глубину хлыстовщины — и подъ конецъ обрѣтаетъ и Христа и русскую землю, русскаго Христа и русскаго Бога».

Воплощеніе «прекраснаго лица» не удалось въ «Идиотѣ» потому, думаетъ Достоевскій, что князь Мышкинъ — не русскій человѣкъ; онъ представитель «высшаго слоя», оторвавшійся отъ почвы. Но вотъ теперь, кажется ему, онъ нашелъ подходящаго русскаго человѣка, человѣка не прошлаго Россіи, а ея будущаго. Въ июльскомъ и августовскомъ номерѣ «Русскаго Вѣстника» за 1868 годъ Достоевскій прочелъ статью: «Русская старообрядческая литература за границей», въ которой излагается содержаніе журнала «Истина», выходившаго въ Юганисбургѣ. Редакторъ этого журнала — ученикъ извѣстнаго старообрядца Павла Прусскаго, К. Е. Голубевъ, философъ-самоучка изъ мужиковъ. Онъ своеобразно, «по мужички» опровергалъ матеріализмъ Огарева, неискусно, но крѣлко защищалъ православную вѣру и послѣ долгихъ религіозныхъ скитаній, вмѣстѣ съ Павломъ Прусскимъ присоединился къ единовѣрью. Замысль «Атеизма» несомнѣнно возникъ у Достоевскаго изъ восторженнаго увлеченія личностью Голубева. «А знаете ли вы, пишетъ онъ Майкову, кто новыя русскіе люди? Мужикъ, бывший расколникъ при Павлѣ Прусскомъ. Это не тиль грядущаго русскаго человѣка, но ужъ, конечно, одинъ изъ грядущихъ русскихъ людей». Замысль «Атеизма» разрастается къ концу 1869 года въ планъ цѣлой серіи романовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Житіе великаго грѣшника».

домомъ у себя и Гасомъ (Гаазомъ) становится. Все яснѣеть. Умираеть, признаваясь въ преступленіи.

Послѣ странничества и даже схимничества, финаль въ формѣ «воспнiatedьнаго дома у себя» и идеаль вродѣ филантропіи доктора Гааза едва ли могъ удовлетворить Достоевскаго. Какъ ни привлекательна фигура безкорыстнаго и самоотверженнаго московскаго врача, все же біографію его трудно написать въ тонѣ «житія». Обращеніе грѣшника, сатанинская гордыня котораго израшааетъ даже смиреніе и кротость, могло быть только чудомъ: психологически оно оставалось необъяснимымъ. Замысль «Житія» былъ отброшенъ: новая идея увлекала Достоевскаго и поглотила всѣ его силы: романъ-памфлетъ «Бѣсы».

Чѣмъ мучительнѣе была для Достоевскаго новая неудача въ изображеніи становящагося прекраснаго человека, тѣмъ любовнѣе хранилъ онъ первую зарисовку уже явленной «красоты», «святую и величавую фигуру Тихона».

Тихонъ рассказываетъ мальчику-нигилисту всю свою жизнь. «Ясные рассказы Тихона о жизни и земной радости, о семьѣ, отцѣ, матери, братьяхъ. Чрезвычайно наивные, а потому трогательные рассказы Тихона о своихъ прегрѣшеніяхъ противъ домашнихъ, относительно гордости, тщеславія, насмѣшекъ (Такъ бы все передѣлалъ это теперь, говорить Тихонъ)». «Рассказы Тихона о своей первой любви, о дѣтяхъ; монахомъ жить ниже, надо имѣть дѣтей, и выше, когда призваніе имѣешь». «Дай Богъ доброй почи намъ и всѣмъ зѣбрямъ». «Пошелъ на послушаніе къ мальчику. Слушается его... Про Тихона у мальчика иногда низкія мысли: онъ такъ смѣшонъ, онъ такъ ничего не знаетъ, онъ такъ слабъ и безпомощенъ, ко мнѣ лѣзетъ за совѣтами, но подъ конецъ онъ догадывается, что Тихонъ кореникомъ крѣпокъ, какъ ребенокъ чистъ, мысли дуриой имѣть не можетъ, смущаться не можетъ, и потому всѣ поступки его ясны и прекрасны».

Достоевскій не стремится къ воспроизведенію историческаго лица святаго Тихона Задонскаго, онъ свободно творитъ свой образъ святости. Въ основѣ его — пріятіе и благословеніе всего Божьяго міра, «вселенская радость живой жизни», любовь къ природѣ, къ животнымъ; утверженіе духовной красоты творенія, святости семьи и дѣтей. Ложному аскетизму противопоставляется дѣятельная любовь въ міру и укорененность въ землѣ, акосмической духовности — новый христіанскій материализмъ. Въ Тихонѣ «Житія» мы узнаемъ уже старца Зосиму.

Записныя тетради къ «Бѣсамъ» *) — это потоки расплавленнаго металла, на мгновение принимающіе форму и снова ее взрывающіе. Передъ нами третій актъ драмы, которую можно назвать «Борьба за спасеніе сильной личности». Первые два акта (первоначальный замыселъ «Идіота» и планъ «Житія великаго грѣшника») кончились срывомъ. Великій грѣшникъ не спасся; онъ переходитъ въ «Бѣсы» и ему дается имя: Николай Ставрогинъ.

Организующимъ мифомъ новаго романа является евангельскій разсказъ объ исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго. Имъ предопредѣляется двудольность композиціи: съ одной стороны гибель бѣсовъ, выходящихъ изъ человѣка и вселяющихся въ стадо свиней; съ другой — исцѣленіе бѣсноватаго и его сидѣніе у ногъ Христа. Первая часть — это романъ-памфлетъ, свирѣпое обличеніе непрады петровской Россіи отъ Чаадаева до нигилистовъ 60-хъ годовъ. Бѣсы русскаго, «европейскаго» жепросвѣщенія, изгнанные изъ русскаго народа, вселяются въ «стадо свиней» — нечаевскую интернаціональную организацію и гибнутъ въ пучинѣ крови и грязи. Второй частью долженъ быть образъ исцѣленной Россіи, вернувшейся ко Христу. Двѣ половины взаимно обусловливаютъ другъ друга; безъ второй — первая теряетъ смыслъ и оправданіе.

Ни одинъ романъ не стоилъ Достоевскому столько муки и отчаянія, какъ «Бѣсы». Онъ писалъ друзьямъ о страшной пытке, которую ему пришлось пережить: объ участившихся эпилептическихъ припадкахъ, о періодахъ полной простраціи, о нестерпимомъ отвращеніи къ своему произведенію, объ истребленіи труда многихъ мѣсяцевъ и новыхъ судорожныхъ попыткахъ начать все заново. Результатъ этой борьбы намъ извѣстенъ: вторая половина картины не была написана, автору пришлось отказаться отъ главной идеи романа и пожертвовать выношеннымъ въ сердцѣ образомъ исцѣленной Россіи, сидящей у ногъ Христа. вмѣсто символа свѣта, побѣждающаго тьму — получилось полное торжество тьмы. «Записныя тетради» отражаютъ шагъ за шагомъ изступленную борьбу писателя съ неотразимо надвигающейся тьмой.

Въ какомъ образѣ воплотить новую Россію, приходящую ко Христу? Достоевскій возвращается къ наброскамъ «Житія». Нигилисту Нечаеву (будущему Петру Верховенскому) противопоставляется «грядущій русскій человѣкъ» — Голубевъ (блудшій Шатовъ).

*) «Academia». 1935

По сравнению съ «Атеизмомъ» новый замыселъ сложнѣе и шире. Герой уже не человѣкъ «въ лѣтахъ», вдругъ теряющей вѣру, а «ребенокъ-волченочъ и нигилистъ», вся жизнь котораго проходитъ передъ нашими глазами. Романъ — не исторія внезапнаго духовнаго кризиса, а «житіе», громадная картина жизни русскаго общества, генезисъ русскаго религіознаго сознанія. Герой — не мужикъ, какъ Голубевъ, а представитель того сословія, которое творило культуру Россіи. Но рядомъ со становящимся «прекраснымъ человѣкомъ» Достоевскій хочетъ показать образы уже достигнутой «красоты»: во второй части дѣйствіе должно происходить въ монастырѣ. «Хочу выставить во второй повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго, конечно подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей, будетъ проживать въ монастырѣ на покоѣ... Въ монастырѣ есть и Павелъ Прусскій, есть и Голубевъ и инокъ Парфеній. Въ этомъ мірѣ я знатокъ и монастырь русскій знаю съ дѣтства... Но главное Тихонъ и мальчикъ... Авось выведу величавую, положительную, святую фигуру. Почему мы знаемъ: можетъ именно Тихонъ и составляетъ нашъ русскій положительный типъ, который ищетъ наша литература»... Въ перспективѣ новаго замысла образъ Голубева раздваивается: въ динамическомъ разрѣзѣ, онъ — герой, «волченочъ и нигилистъ», душа странствующая по мытарствамъ въ поискахъ русскаго Бога; въ статическомъ онъ пребываетъ въ монастырѣ, въ сонмѣ праведниковъ: Тихона Задонскаго, Павла Прусскаго и инока Парфенія. Въ процессъ творчества Достоевскаго онъ служитъ связующимъ звеномъ между «свѣтскимъ праведникомъ», княземъ Мышкинымъ и церковнымъ святымъ — Тихономъ Задонскимъ. Религіозная вѣра автора «Житія» эволюционируетъ отъ утопическаго христіанскаго социализма къ православному исповѣданію, и «положительный типъ» воплощается для него теперь не въ туманномъ спиритуализмѣ князя Мышкина, а въ «святости» православнаго архіерея. Сопоставленіе «Тихонъ и мальчикъ-нигилистъ» приобрѣтаетъ новый символическій смыслъ. Русское высшее сословіе, оторвавшееся отъ народа и потерявшее вѣру, стремится къ религіозному идеалу, уже воплощенному народомъ въ лицѣ его подвижниковъ и святыхъ. Мытарствамъ и скитаніямъ взвѣренныхъ душъ противопоставляется тишина и миръ монастыря. Принципъ построенія «Братьевъ Карамазовыхъ» уже найденъ.

«Житіе великаго грѣшника»*) тѣсно примыкаетъ къ первоначальному замыслу «Идиота», разработанному въ первыхъ семи

*) «Academia». 1935

планахъ: это тоже исторія сильной личности, утверждающей свое человѣко-божеское величіе, проходящей черезъ всё со-блазны гордыни, могущества, страстей и преступлений и кончающей «божественно». Задуманный романъ есть благочестивая «поэма» объ обращеніи великаго грѣшника къ Богу, о пути души человѣческой черезъ адъ и чистилище къ раю.

Въ записныхъ книжкахъ въ подробности разработаны тѣ части, которыя условно можно назвать адомъ и чистилищемъ — и почти не затронута послѣдняя часть — рай. А между тѣмъ въ ней весь смыслъ «житія, она — завершеніе и оправданіе всего замысла».

Дѣтство героя проходитъ въ деревни у какихъ-то «старичковъ»; его окружаетъ пошлость и развратъ. Онъ живетъ въ мечтахъ, дружитъ съ хромой дѣвочкой Катей, тиранитъ ее, жаждетъ власти и богатства, заставляетъ хроменькую поклониться ему: «Я самъ — Богъ». Когда мальчику исполняется 11 лѣтъ, онъ переѣзжаетъ въ Москву въ семью своего незаконнаго отца, гдѣ его ненавидятъ и преслѣдуютъ. Два года учится въ пансіонѣ Сушара и удивляетъ всѣхъ своимъ звѣрствомъ. Убѣгаетъ съ разбойникомъ Куликовымъ и вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ убійство. «Фактъ, производящій на него потрясающее дѣйствіе и нѣсколько сбившій его самого съ толку, такъ что онъ чувствуетъ естественную необходимость сжаться внутри себя и пообдумать, чтобы на чемъ нибудь установиться. Устанавливается все-таки на деньгахъ. О Богѣ пока не думаетъ». Затѣмъ публично признается въ совершенномъ убійствѣ. Малолѣтнаго преступника родители помѣщаютъ въ монастырь. Развѣстой и развращенный мальчикъ, «волченочъ и ягилить» встрѣчается съ Тихономъ. Изъ монастыря онъ выходитъ еще болѣе утвердившимся въ своемъ гордомъ величіи. Смирненіе Тихона оцѣнивается имъ какъ средство для побѣды надъ міромъ и онъ «позволяетъ себѣ мучить Тихона выходками». «Послѣ монастыря и Тихона великій грѣшникъ съ тѣмъ и выходитъ вновь на свѣтъ, чтобы быть в е л и ч а й ш и мъ изъ лю-де й. Онъ такъ и ведетъ себя: онъ гордѣйшій изъ всѣхъ гордецовъ и съ величайшей надменностью относится къ людямъ». «Нѣвѣріе въ первый разъ страннымъ образомъ только въ монастырѣ организуется».

Дальнѣйшая судьба героя еле намѣчена: «Отъ гордости и отъ безмѣрной надменности къ людямъ онъ становится до всѣхъ кротокъ и милостивъ — именно потому, что уже безмѣрно выше всѣхъ». «Отъ гордости идетъ въ схимники, въ странники. Путешествіе по Россіи. Кончаетъ воспитательнымъ

Сначала онъ называется «учитель». «Смиранный и робкій характеръ. Разсѣянъ и страненъ ужасно». «Показываетъ неоднократно чрезвычайную силу характера, смѣлость, храбрость». Авторъ колеблется: не сдѣлать ли «учителя» «положительнымъ лицомъ» романа? «Учитель все болѣе и болѣе въ продолженіи романа вырастаетъ въ красотѣ. Начинаетъ съ смѣшного и кончаетъ идеаломъ красоты вполнѣ». Въ дальнѣйшихъ замѣткахъ фиксируется идеологія «учителя»-Голубева. «Идеи Голубева суть смиреніе и самообладаніе и что Богъ и Царство Небесное внутри насъ въ самообладаніи, и свобода тутъ же». Между двумя полюсами — старой, гибнущей Россіи (Нечаевъ-Верховенскій) и новой, спасающей (Голубевъ-Шатовъ) стоитъ неясная, сложная и сильная натура — князь (будущій Ставрогинъ). Первоначально это образъ кающагося дворянина, съ восторгомъ принимающаго ученіе Голубева. «Князь не ожидалъ встрѣтить Голубева. Встрѣтивъ его, поражается, ужасается и поддается ему беззаветно».

И вдругъ, неожиданно для автора, новое лицо — князь — начинаетъ расти, наполняться собственной таинственной жизнью и диктовать автору свои законы. Достоевскій пишетъ Страхову (9 октября 1870 г.): «... Потому лѣтомъ опять перемѣна: выступило еще новое лицо съ претензіей на настоящаго героя романа, такъ что прежній герой сталъ на второй планъ. Новый герой до того плѣнилъ меня, что я опять принялся за передѣлку». А Каткову онъ сообщаетъ о «новомъ героѣ»: «Я изъ сердца взялъ его».

29 марта 1870 года Достоевскій записываетъ: «Голубева не надо... Безъ Голубева. Выходитъ, что главный герой романа князь. Итакъ, весь пафосъ романа въ князѣ, онъ герой. Все остальное движется около него, какъ калейдоскопъ. Онъ замѣняетъ и Голубева. Безмѣрная высота». Функции Голубева переходятъ къ князю (Ставрогину): онъ «новый человекъ», онъ пріѣхалъ исправить въ городѣ свои ошибки, обиды и пр. «Мирится съ обиженными, сноситъ пощечину. Вступается за кошунство, отыскиваетъ убійцъ и наконецъ торжественно объявляетъ воспитанницѣ (Дашѣ), что отнынѣ онъ русскій человекъ. Онъ молится иконамъ и пр...» «Главная же идея (т. е. пафосъ романа), что князь и воспитанница — но въ е лю ди, выдержавшіе искушеніе и рѣшающіеся начать новую, обновленную жизнь».

А дальше идетъ: «Нота bene: Задача: украсить и создать эту пару — князя и воспитанницу. Тутъ-то и бѣда. Князь готовится въ мировые судьи... Больше поэзіи».

Въ этой фразѣ «туть-то и бѣда» — выражены всѣ колебанія и сомнѣнія автора. Что будетъ дѣлать этотъ новый человекъ? Куда пойдетъ? Намѣтивъ образъ «безмѣрной высоты», сверхчеловѣческаго величія сильной личности — Достоевскій не видитъ для нея благополучнаго исхода. Неужели онъ пойдетъ въ мировые судьи, женится на Дашѣ и обречетъ себя на «бѣдность и трудъ»? Для Ставрогина — это жалкій и смѣшной конецъ. «Больше поэзиі...»

Слѣдуютъ отрывистыя записи: «Ищеть правду. Нашель правду въ идеалѣ Россіи и христіанства. Христіанское смиреніе и самоосужденіе». «Быть новыми людьми, начать переработку въ самихъ себѣ». Другой вариантъ: «Я новымъ человекомъ не буду, слишкомъ не оригиналенъ, но я нашель наконецъ нѣсколько драгоценныхъ идей и держусь ихъ. Но прежде всякаго возрожденія и воскресенія — самообладаніе... Я теперь вижу, что и всѣхъ виноватѣе и всѣхъ хуже мы, баре, оторванные отъ почвы». Третій вариантъ: «Князь увѣряетъ Шатова, что всѣ тайны, какъ довести себя до совершенства и братства, даны православіемъ и его дисциплиной: самоусовершенствованіе».

Итакъ, «теорія» спасенія найдена: нужно переродиться черезъ самоисправленіе, самообладаніе и самоусовершенствованіе. Всѣ эти моральныя тирады князя звучатъ какъ-то абстрактно и фальшиво. Новые Адамъ и Ева — князь и воспитанница, желающіе «поскорѣе спастись и новое племя начинать», — упрямо не оживаютъ. Что въ томъ, что они «спасутся», если человѣческаго въ нихъ ничего не останется?

Но почему вдохновенныя рѣчи князя о нравственности, самообладаніи и христіанствѣ — звучатъ такъ деревянно? Кажется, что Достоевскій вдругъ догадывается: князь — Ставрогинъ, родившись въ воображеніи автора, зажилъ своей таинственной и зловѣщей жизнью и отказывается въ повиновеніи: вкладывая въ его уста свои идеи, авторъ насилуетъ его подлинную природу. Онъ повторяетъ громкія и возвышенныя слова, но они не звучатъ, потому что онъ имъ не вѣритъ. И вотъ, когда Достоевскій открылъ, что судьба его героя повинуется собственному закону, измѣнить который не властенъ его создатель, въ этотъ моментъ въ міръ вошло придуманное имъ лицо, болѣе реальное, чѣмъ множество реальныхъ людей — гениальный образъ Николая Ставрогина. Онъ появился не какъ спасающійся христіанинъ, а какъ трагическая маска, отъ вѣка обреченная на гибель. Ставрогинъ знаетъ, что онъ безъ почвы, знаетъ, что спасеніе толь-

ко во Христъ, знаетъ, что безъ вѣры погибнетъ — и не вѣритъ. Умомъ онъ признаетъ существованіе Бога и необходимость религіи, но сердцемъ онъ не съ Богомъ, а съ дьяволомъ. Въ замѣткахъ къ «Бѣсамъ» эта раздвоенность Ставрогина подчеркнута сильнѣе, чѣмъ въ печатной редакціи. «Любопытно, что онъ такъ глубоко могъ понять сущность Руси, когда объяснялъ ее и воспламенялъ этимъ Шатова, но еще любопытнѣе и непонятнѣе то, что онъ, стало быть, ничему этому не вѣрилъ».

Въ наброскѣ къ бесѣдѣ Ставрогина съ Тихономъ раскрывается вся глубина его невѣрія. Вотъ это поразительное мѣсто: «С т а в р. Да вѣдь зато я знаю, что если я увѣрю черезъ 15 лѣтъ въ Бога, то со мной все равно произойдетъ ложь, потому что Его нѣтъ. Нѣтъ, лучше пусть я останусь несчастенъ, но съ истиной, чѣмъ счастливыи съ ложью».

Первоначально Достоевскій предполагалъ показать раздвоеніе Ставрогина въ эффектноиъ финалѣ романа. Ставрогинъ открываетъ участникомъ тайной организациі Петра Верховенскаго, спасаетъ городъ отъ смуты и пожара и послѣ торжественнаго молебна произноситъ вдохновенную рѣчь: «Мы несемъ міру единственное, что мы можемъ дать, а вмѣстѣ съ тѣмъ единственно нужное: Православіе, правое и славное вѣчное исповѣданіе Христа и полное обновленіе нравственное Его имѣемъ... Отъ насъ выйдутъ Илья и Энохъ, чтобы сразиться съ Антихристомъ, 10-есть духомъ Запада, который воплотился на Западѣ. Ура за будущее!»

И тутъ-же замѣтка: «Уѣзжаетъ въ Петербургъ и давлывается въ Скворешникахъ. Это — важное».

Мы прослѣдили всѣ этапы трагической борьбы Достоевскаго за спасеніе «сильной личности». Неужели онъ сознательно глумился надъ своей вѣрой въ преображеніе міра и въ религіозное призваніе Россіи, дѣлая носителемъ ея своего демоническаго героя? Неужели добровольно осудилъ онъ лицо, которое «взялъ изъ своего сердца», на постыдное удавленіе въ Скворешникахъ? Нѣтъ, не то онъ хотѣлъ сказать, и не такое лицо создать. Но жуткая, дьявольски обворожительная фигура Ставрогина явилась и выросла противъ его воли, «плѣнила» его, надсмѣялась надъ всеми его благими намѣреніями, перевернула всѣ его идеологическіе замыслы — и вернулась въ небытіе, откуда возникла. Какъ у Фауста, у Достоевскаго былъ свой

Мефистофель, духъ отрицанія и сомнѣнія, «чистое ничто»: онъ сопутствовалъ ему въ образѣ Ставрогина.

**

Лишь въ послѣдніе годы жизни, въ послѣднемъ романѣ — «Братья Карамазовы» Достоевскому дано было наконецъ воплотить образъ «положительно-прекраснаго человѣка» въ обоихъ его аспектахъ: статическомъ (старецъ Зосима) и динамическомъ (Алеша Карамазовъ).

К. Мочульскій.